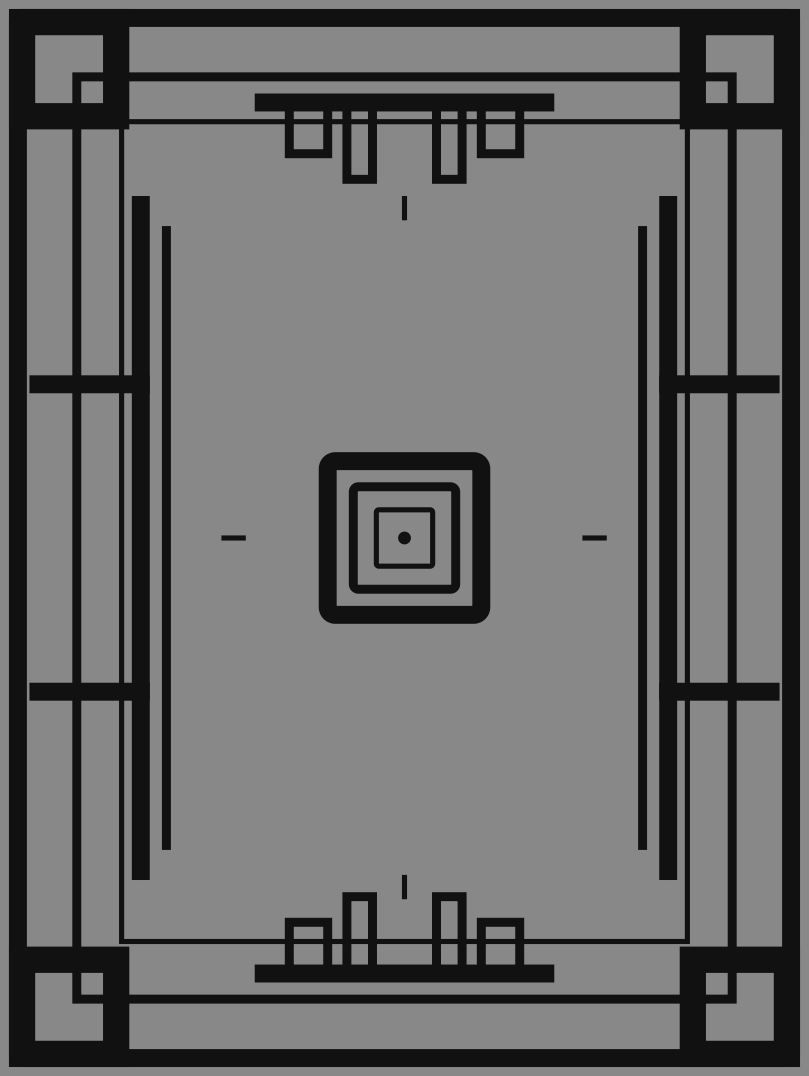

Река времени
Дэвид Брин

Аннотация
Река времени

Аннотация

Однажды люди разделились и начали жить в разных потоках времени. «Медленные»: их время замедляется, они становятся похожими на статуи. «Быстрые»: исчезают, время ускоряется. Переходы из одного состояния в другое совершаются неожиданно. Как людям наладить связь и сотрудничество?

© Ank (fantlab.ru)

Река времени

Я думаю, никто сейчас не скажет точно, когда же все это началось. Внезапная болезнь и — смерть. Десятки, а может быть, сотни людей были погребены либо кремированы, прежде чем прояснилась суть происходящего.

Медлянка, или псевдосмерть, поражала без предупреждения. Не было никаких симптомов, которые указывали бы на ее приближение.

Несчастных находили в их собственных постелях — люди как бы спали, но не просыпались уже никогда. Медлянка настигала свои жертвы на улице, и они застывали на тротуаре в самых нелепых позах. В офисах «медленная кома» обнаруживалась по лицам, тупо застывшим над бумагами, и рукам, как бы пытавшимся поставить точку над «і».

Тела пораженных были теплыми, а при тщательных обследованиях выяснилось, что эти люди по-прежнему поглощали кислород и выделяли углекислый газ. Их неподвижность являлась единственным признаком смерти и походила на упорное сопротивление любому движению.

Никто прежде не встречал ничего подобного. Официальное расследование зашло в тупик, правительство пребывало в замешательстве. Я держался от всего подальше, пока не стал свидетелем нового всплеска медлянки, поразившей двух близких друзей и моего литературного агента, угасшего прямо у меня на глазах.

В тот день Лэрри Карпис, имевший обыкновение работать в непринужденной обстановке, пригласил меня на ленч в ресторан Голдфэрба неподалеку от своего офиса. Я так был захвачен объяснением идеи своего нового романа «Гарольд Фрибутер», что едва притронулся к еде. Карпис, как всегда, ел медленно и говорил мало. Когда он хотел высказаться, то брал долгую паузу и обдумывал каждое слово. Именно поэтому я и затрудняюсь сказать, когда в нем произошла перемена. Его лицо как бы «запнулось», вилка с фирменным салатом повисла у рта. Карпис внимательно смотрел на меня, но в какое-то мгновение я понял, что он меня уже не видит. Я, очевидно, так и не узнаю, что думал Лэрри о моем замысле. Ну и прекрасно, говорю я себе, ведь роман так и не был написан…

Спустя несколько недель после того, как началась эпидемия, в определенных кругах заинтере-

совались списком «сумасшедших консультантов» — спецов по аномальным явлениям.

Итак, одним паршивым утром я был разбужен настойчивым стуком в дверь. Щурясь спросонок, я открыл и увидел перед собой двух чопорных чиновников из военной полиции. Один из них вежливо спросил:

— Даниель Брэнд, писатель-фантаст?

— Вообще-то да… Но мною написано достаточно много и правдивых статей, — я автоматически промямлил текст, который обычно произношу при знакомствах.

— Извините, мистер Брэнд, нам дано задание доставить вас для выполнения вашей специальной миссии.

Я, должно быть, уставился на них как истукан. До меня дошло, наконец, что я — на крючке и сейчас буду препровожден куда-то зачем-то, не успев выпить традиционного стакана апельсинового сока. В подобной ситуации один из моих персонажей вытащил бы лазерное оружие. Или громко послал бы этих… подальше. Или хладнокровно разоружил, а сам улизнул через окно в ванной. Мечты, мечты… В реальности я только и мог сказать:

— Моя… Что?..

— Ваша специальная миссия, сэр. Вы в свое время зарегистрировались у нас как консультант по необычным явлениям и гипотетическим кризисам и ежегодно получали жалованье. Припоминаете?

Дошло-таки! Да, я получал жалкие сто долларов, десять из которых отстегивал Лэрри за то, что тот надоумил меня первым вставить свое имя в список «чайников», готовых консультировать правительство в случае нашествия зеленых человечков или лох-несских чудовищ. Перемещаясь по стране, я должен был отмечаться в пентагоновских офисах. Эта программа была оплачена на двадцать лет вперед одним из наших рачительнейших президентов, когда тот обнаружил, что у нас нет даже намека на план действий, ежели вдруг некая комета-гигант задумает посетить Штаты. (Очевидно, он просто-напросто сократил расходы на содержание обслуги Белого дома.)

— Значит, я понадобился.

— Так точно, сэр, — подтвердили дубиноголовые. — Может быть, вы оденетесь?

Мне разрешили взять портфель и зубную щетку, пообещав снабдить всем необходимым на месте. Покидая свой дом, я увидел карету «скорой помощи» и новых жертв медлянки… Тут только

я обратил внимание на то, что мои «конвоиры» выглядят весьма бледно. Они были напуганы! Кто бы мог подумать…

— Компьютер выбрал вас, сэр, как наиболее квалифицированного специалиста из тех, кого еще не поразила болезнь, — пояснил один из полицейских, пока второй запихивал меня в зеленый правительственный «плимут». — Мы доставим вас в госпиталь Джона Хопкинса, где уже работает комиссия…

Вот так я стал «шишкой» в деле расследования псевдосмерти.

Госпиталь был ввергнут в хаос. Непрерывно поступали все новые и новые жертвы медлянки — так что пришлось приспособить ближайшие школы и институты под дополнительные приемные покои.

Внешние проявления болезни устрашали своей необъяснимостью.

Терапевтов сводили с ума энцефалограммы. Врачи ясно слышали, как бьется сердце пациента — раз в минуту. Глаза больных не моргали, не реагировали на свет, но при этом оставались влажными. Больше всего смущали лица. В них не было отрешенности мертвецов либо той пугающей беззаботности, которая отличает психически

больных. Нет, это были лица-маски, скрывающие страдание и мысль.

Свое название — медлянка — болезнь получила от того, что пациенты медленно, но все-таки двигались. Их, оставленных без присмотра на ночь, утром находили в странных позах, напоминавших садовые скульптуры, либо сидящими рядом с полуоткрытыми ртами — пародия на беседу.

К тому времени, когда я был включен в комиссию, эпидемия поразила каждого двухсотого жителя. Спустя месяц — каждого пятьдесят пятого. Лазаретом стала вся страна. Запасы медикаментов кончались.

И вот однажды мы с доктором Хантер пришли на очередное заседание комиссии, чтобы познакомить присутствующих с предварительными выводами. Хантер предоставили трибуну, а я так и остался у порога — чужак, несмотря на то, что компьютер поставил нас на одну доску.

— Вот это, — Хантер, как бомбой, потрясла кипой исчерканных листков, — написали наши пациенты, — и она бросила «бомбу» на дубовый стол, за которым восседала комиссия. — Вы, наверное, помните, сколько сил потратили мы с Брэндом, убеждая вас дать некоторым больным карандаши и бумагу. Вот результат экспери-

мента!

Конечно, большинство каракулей, которые сейчас рассматривали врачи, производило жалкое впечатление своими странными фантазиями, но одна страничка выделялась четким печатным текстом:

КТО ВЫ?

ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ ПО-АНГЛИЙСКИ? МЫ НЕ ХОТИМ ВАМ ЗЛА!

ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕЧАЙТЕ МЕДЛЕН

Записка обрывалась на полуслове. Хантер объяснила, что медсестра делала перевязку и забрала листок из рук пациента, не придав ему никакого значения.

Озадаченные врачи перевели взгляды с Хантер на меня.

— Разве вы не видите — этот парень разумнее и хладнокровнее нас! — закричал я. — Он додумался установить контакт. Кто мы для него? Всемогущие невидимки, которые держат человека в плену. С его точки зрения, мы двигаемся молниеносно. Возможно, он принимает нас за пришельцев из другого мира. Как еще он может объяснить себе этот кошмар?! Допустим, шел человек по улице. Вдруг, ни с того ни с сего, оказывается в госпитале, причем, его то колют, то

тискают, то таскают, мешают любому движению, а он даже не видит, кто это делает и как.

Старый эпидемиолог почесал затылок:

— Вы хотите сказать, что наши больные… здоровы? Что у них все нормально, но невообразимо замедленно?

Я посмотрел на Хантер: наконец-то наши умники начали прозревать. Хантер вновь взяла слово:

— Да, все говорит о том, что медлянка не является чисто медицинской проблемой. Заниматься ею должны, кроме врачей, физики… А может, священнослужители… Или писатели-фантасты.

Я скорчил гримасу, но сдержался. Уж я бы на месте Хантер прошелся насчет умственных способностей наших почтенных ученых мужей.

— Мне пришло в голову, дамы и господа, что все сказанное дает нам шанс выйти из кризиса с нехваткой больничных коек, медперсонала и медикаментов.

Хантер, разумеется, была права. Эта идея появилась в самый подходящий момент. Пока мы трепались и пытались хоть что-то доказать друг другу, на общество обрушилась новая катастрофа: кроме «медленных» появились «быстрые». Мало было псевдосмертей — начались псевдоисчезновения.

Самые настоящие чудеса!

Люди пропадали — как бы растворялись в воздухе. Или вот: на столе начальника возникла собака, живая и лающая. Шел человек — и вдруг у него пропала вся одежда. Исчезала пища с подносов официантов самых роскошных ресторанов. В квартирах срабатывала сигнализация, но поймать воров никому не удавалось. Известные всей стране красавицы исчезали и появлялись через несколько минут в другом месте, потрепанные и пришибленные. Объяснить, что с ними было, женщины не могли.

Некоторые политические деятели пытались овладеть ситуацией в стране, но они плохо кончили.

Мы с Хантер продолжали свои наблюдения. Не без удивления мы обнаружили, что причиняемый неизвестно кем вред можно сравнивать с детскими проказами. Ничего особо ценного не пропадало, причем иногда воришки сами «телепортировались» прямо в тюремную камеру — по крайней мере, так утверждали вконец обалдевшие полисмены.

Обыватели пытались держать себя в руках, но все чаще мы стали встречать затравленные взгляды, беспомощные жесты, панически сгорб-

ленные фигуры. Эти люди были кандидатами в наш госпиталь.

Мы обратились за помощью к физикам, психологам, мистикам и даже писателям — все напрасно. Они перегрызлись между собой, склоняя на все лады Zeitgeist*, но в конце концов пришли к выводу, что общество переживает глубочайшее потрясение. Чудненько. Открыли Америку.

Ко всеобщему облегчению, победило наше с Хантер предложение предоставить больных медлянкой самим себе. Потихоньку они начали покидать госпиталь, и вскоре вокруг городов возникли поселения «медленных». Их охраняли, инспектировали, снабжали продовольствием, так что «медленные» обрели новый быт и уже могли сами себя обслуживать.

Поселения производили тяжелое впечатление на тех, кому было позволено посещать подобные места. Это был странный мир. Казалось, здесь буйствовал плодовитый, но сумасшедший скульптор, уставивший всю округу своими работами. Статуи готовили пищу, обедали… Спустя неделю можно было вернуться и увидеть, как они моют посуду после этого обеда.

*** Примечания: ***

Дух времени *(нем.)*

А вот проблему «исчезающих» так легко решить не удавалось.

Как-то раз я и Хантер притащили к самой большой в городе доске объявлений столик и водрузили на него пишущую машинку. Мы наняли двух художников-текстовиков, объяснили им, что надо писать, и попросили делать это как можно быстрее.

Я понял: нельзя терять ни секунды. Секунда для нас — день для «исчезающих», если не больше.

Художники приступили к работе и написали на доске: «Исчезающие! Пожалуйста, войдите с нами в контакт!»

Едва они закончили, как все мы стали голыми. Одежда исчезла, руки и ноги чесались.

Хантер подпрыгнула:

— Это совсем не то, чего мы хотели!

Все же начало было положено. Художники мрачно переглянулись и вновь принялись за работу — в чем мать родила.

Следующее послание было таким: «Мы хотим поговорить с вами! Мы дружим с «медленными» и готовы к …»

На нас снова обрушилась чья-то активность. В мгновение ока я был обрит наголо, а прекрасный бюст Хантер раскрашен так, что стал напоминать

некоторую часть моего тела…

Возле пишущей машинки взметнулась метель исписанных листков. Их даже держали некоторое время возле моего носа, пока я не понял, что это глупая насмешка, не более.

Но вот глупости кончились. В какое-то мгновение мы заметили нескольких мужчин, лежащих на асфальте. Потом они исчезли.

И в то же мгновение меня дернули — одели.

Вновь начался бумажный снегопад, но более спокойный. Я догадался: вторая компания «исчезающих» убрала первую и, действительно, хочет вступить с нами в контакт.

Я напечатал: «Сосредоточьтесь! Отвечайте помедленнее! Я уполномочен общенациональной чрезвычайной комиссией вести переговоры с ответственным лицом…»

Листок исчез и «вернулся». Последние слова были подчеркнуты и добавлено имя Германа Уонклера.

Припомнилось, что это был профессор Кросстаунского колледжа. Перед исчезновением ему было под пятьдесят. Человек с прекрасной репутацией, преуспевающий преподаватель и ученый. Все очень кстати.

Я размышлял секунды две — для Уонклера они,

должно быть, показались вечностью.

Я отпечатал документ, дающий Уонклеру немалые права, включая организацию поселений «исчезающих», а также обязанности: оберегать людей, живущих в нашем, нормальном, времени, и консультировать их.

Закончив последнюю фразу, я обнаружил, что держу ручку, перо которой упирается в нижнюю часть страницы. Быстренько подписал документ.

Уонклер, видимо, имел немало друзей и единомышленников. Очень быстро его люди подтвердили мои полномочия. Я отсчитывал секунды; при счете «восемь» в моей левой руке появился бокал холодного пива, а в правой — зажженная сигарета, любимый сорт.

Хантер вздрогнула: мгновенно наш столик был заменен огромным письменным столом красного дерева, а складные стульчики — роскошными креслами.

Мы натянули яркий полосатый тент и два часа вкалывали как проклятые, читая мелькавшие перед глазами тексты. Они исчезали и появлялись, как узоры в калейдоскопе, и мы едва успевали отвечать «да», «нет» в «технике моргания глазами».

Наши усилия не пропали даром. Был выработ-

тан план совместных действий. Вскоре шуточки «исчезающих», или «быстрых», прекратились по всей стране.

Ну вот теперь можно поразмышлять.

По идее, «быстрые» с их невероятной скоростью перемещения в пространстве должны сгорать дотла. А «медленные» — падать на каждом шагу.

Чья тут фантазия накуролесила?.. Мы кое-как все разложили по полочкам, разделили города на зоны, каждая — со своей скоростью жизни. Стала развиваться бартерная экономика, связь осуществлялась через сеть компьютеров.

Мы рассчитывали, что «быстрые» будут нас защищать. Так оно и вышло. «Быстрые» полицейские упреждали кражи и убийства, а «быстрые» пожарные тушили огонь раньше, чем он успевал разгореться.

Все же Хантер не питала иллюзий, и я понимал, почему. Разве деление на расы или касты снимает все проблемы? Пройдет время, и новые поколения забудут договоренности и клятвы отцов…

Вскоре пришла печальная весть: профессор Уонклер умер в возрасте ста двух лет. Затем компьютеры сообщили, что среди «быстрых» — паника. Клянусь, никогда не думал, что процесс расслоения людей зайдет так далеко. Определен-

ная часть «быстрых» стала жить еще быстрее. «Супербыстрые» сочли шутки над «нормальными» и «медленными» слишком скучными — к чему дразнить статуи — и оставили нас в покое. Зато они вовсю измывались над «умеренно быстрыми».

Новое расслоение произвело «быстро мчащихся». Города вновь делились на зоны. Прошли годы, прежде чем были заключены очередные соглашения. А когда началось расслоение «медленных», нам пришлось уже делиться по кварталам. Некоторые ученые, полагавшие, что сумели разобраться в этом странном явлении, сошли с ума, покончили с жизнью или втихую сменили профессию.

И у меня голова шла кругом. И я уже всерьез рассматривал возможность того, что Земля — центр мироздания, что древние философы были не такими дураками, когда строили модели реального мира в виде кристаллических сфер-клеток. Вполне возможно, что человечество осознало, интуитивно или каким иным образом, в какой камере оно находится, и попыталось разомкнуть сферу, открыть клетку, познать Вселенную и переиначить физические законы.

Вот это бы осмыслить!

У нас с Хантер трое детей — Эмма, Кассандра и Абель.

Кому-то это покажется странным, но мы счастливы.

Абель, старший, в двенадцать лет стал «быстрым», а через три недели вся наша семья, за исключением Эммы, присоединилась к нему. Три недели в «быстром» времени — это много. Мы увидели красивого мужчину, сильного, доброго, интеллигентного. Воспитатели сына привили ему немало хороших качеств. Когда мы появились, Абель познакомил нас со своими детьми — нашими внуками.

Говорил ли я вам, что Кассандра все время с нами? О, она замечательная девочка, в ней столько жизнеутверждающей силы. А растет прямо на глазах. Мы с женой надеемся, что Кассандра будет здесь… ну хотя бы пока не вырастет.

Эмма была самым прелестным ребенком, хотя слово «была» не совсем подходит, ведь Эмма была и осталась. Осталась в «нормальном» времени, когда мы совершили скачок к Абелю. Теперь всю нашу жизнь ей будет семь лет.

Никто не знает способа контролировать движение вдоль линий времени. Остается принимать все так, как есть. И никаких «но».

Мы прикололи к свитеру Эммы письмо и отнесли дочь к нашим хорошим друзьям — настолько славным, что лучших воспитателей для малышки и вообразить трудно. Время от времени заглядываем к ним и видим, что Эмма всегда аккуратно причесана. Хантер хочет вступить с ней в контакт, я вздыхаю: суем нос в чужие дела. Конечно, Эмме приятно думать, что мы рядом, поблизости, но все же… Все же, Бог даст, в один прекрасный день Эмма покинет Главную линию времени и воссоединится с семьей.

Интересно, а что такое Главная линия? Мы пытались это выяснить, однако нет приборов для исследования временных коридоров. С точки зрения «самых медленных», новые линии времени появляются, примерно, раз в десять лет, а «супербыстрым» кажется — в считанные миллисекунды. Вообще же в том, что сейчас происходит с нами, нет никакого смысла и никакой логики. Ни-ка-кой.

Однако мы по-прежнему люди. Наши отношения гуманны: мы торгуем, обмениваемся изобретениями. Хочется всегда иметь под рукой вещь, которую можно предложить предкам, или хоть чем-то помочь им.

Сейчас я — советник правительства «быст-

рых», и меня здесь достаточно высоко ценят, утверждая, вполне серьезно, что в моем лице возродился Бенджамин Франклин. Находятся люди, которые покупают мои научно-фантастические произведения, но покупателей все-таки мало, что наводит меня на мысль о кризисе жанра.

Мы с Хантер стараемся держать друг друга в поле зрения: пусть это суеверие, но хочется очередную временную линию пересечь вместе.

Я надеюсь: так оно и будет.

Мои долгие размышления над жизнью во время патрулирования зоны «медленных» привели к тому, что я стал воспринимать реальность не так, как прежде. Я радуюсь по утрам восходу солнца, слушаю пересмешника, воркующего над головой, смотрю, как листва меняет свой наряд, ловлю момент, когда «быстрые» фермеры убирают урожай…

Линии времени причудливо переплетены и, как знать, не совершит ли время полный оборот, и «супербыстрые» встретятся с «самыми медленными», а встретившись, вновь окунутся в чудеса странных взаимоотношений. Будут ли эти отношения все необъяснимее, все круче? И будет ли само время, когда столкнутся все его подводные течения?

Ответить на эти вопросы, наверное, мог бы кто-либо из древних. Но я уверен: его ответы никого здесь не устроят. Нам нужна тайна. Река времени полна тайн, как полна она ручейков человеческих судеб, сливающихся в единый поток.

Какие мы все-таки ограниченные и самонадеянные! И мы претендуем еще на место хозяина этой величавой реки!

А она течет, набирает размах и силу.

И какое море ждет ее в конце пути?..

ОТ АВТОРА:

Это один из моих ранних рассказов, единственный, воспроизведенный мной на бумаге точно так, как он привиделся во сне. Первоначально рассказ назывался «Сосуществование».

© 1981 by David Brin.

Перевели
на русский язык © 1992 В. ПАНФИЛЕНОК и А. КАЛГАНОВ, студенты Минского педагогического института иностранных языков.